

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РАННЕГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Сергей БУТЕНКО,

аспирант кафедры философии права и юридической логики
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article analyzes the main conceptual approaches to understanding the nature of the property as a philosophical-legal categories and determining factor in the formation of state structures of historical formation of early slavery. The author explores the historical background, philosophical and religious canons, customs, and moral and ethical problems of the period of the genesis of human society, in the context of their formation under the influence of transformational tendencies property. Particular attention is paid to the definition of slavery institution influence on the economy, domestic and foreign policy of early slaveholding states and transformational trends in public relations in their society, the formation of the legislative system, as well as the establishment and adoption of the principles of judicial protection of property rights.

Key words: antiquity, ahont, barbarism, ownership, possession, democracy, evolution, nomos, medim, policy, slavery, justice, philosophy.

Аннотация

В статье анализируются основные концептуальные подходы к пониманию сущности собственности как философско-правовой категории и определяющего фактора формирования государственных образований исторической формации раннего рабовладения. Автор исследует исторические предпосылки, философские и религиозные каноны, обычаи и морально-этические проблемы этого периода генезиса человеческого общества в контексте их формирования под воздействием трансформационных тенденций вопросов собственности. Особое внимание уделяется определению влияния института рабовладения на экономику, внешнюю и внутреннюю политику ранних рабовладельческих государств и на трансформационные тенденции общественных отношений в их социуме, формированию системы законодательства, а также становлению и утверждению принципов судебной защиты прав собственности.

Ключевые слова: античность, ахонт, варварство, собственность, владение, демократия, эволюция, номос, медим, полис, рабовладение, справедливость, философия.

Постановка проблемы. Вопросы, связанные с влиянием вопросов собственности на генезис общественных отношений в человеческом социуме, изучали еще античные мыслители. Значительное внимание этим вопросам уделял позже и Ф. Энгельс, который, обобщая названную им «моргановской», периодизацию генезиса первобытного общества, выделял три основных ее этапа: дикость, варварство и цивилизацию (период овладения приемами обработки продуктов природы, развития промышленности, в собственном смысле этого слова, и искусства) [1, с. 28].

Переход от одного этапа к другому, по его мнению, обуславливался уровнем развития отношений в области собственности на средства производства. Энгельс писал: «Рабочая сила человека на первой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного превышения над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства положение изменилось. С рабочей силой, особенно после того, как стада окончательно перешли во

владение семей, произошло то же, что с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться. Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот» [1, с. 58].

Однако несмотря на давнюю историю, вопросы понимания сути и содержания понятия собственности в современной науке все еще остается дискуссионным. Кроме этого, на наш взгляд, недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с определением принципов построения суждений, терминологии и правила умозаключений к ходе исследования сложных и многофункциональных систем, к которым относится собственность.

Цель исследования – проанализировать основные концептуальные подходы к определению особенностей философско-правовых основ вопросов собственности как сложной и многофункциональной системы в аспекте

ее влияния на формирование политического устройства демократического общества.

Анализ исследований и публикаций. Теоретической основой исследования являются философские источники античности Греции и средневековых мыслителей, отечественных и иностранных ученых: Дж. Бейлера, О. Богдашиной, В. Глиняного, А. Грицанова, О. Данильяна, С. Десницкого, Г. Драча, Ж. Дюби, Ф. Энгельса, Ф. Кельзена, Д. Керимова, А. Колесникова, А. Конверского, М. Костицкого, В. Крутецкого, В. Лубского, В. Нерсисянца, В. Овчаренко, Л. Пальцевой, С. Покровского, Н. Полетаева, К. Поппера, Ф. Селмана, А. Сидоренко, Ю. Сурмина, А. Тымиевской, С. Щербы, Е. Юдина и других.

Изложение основного материала. По определению С. Десницкого, «развитие института собственности определяется изменением четырех состояний человеческого рода: охота и сбор плодов, скотоводство, земледелие и «коммерческое положение» [2, с. 68].

Постепенно, как справедливо замечает В. Овчаренко, «фигура охотника как кормильца, вокруг которого

группировалось племя и обеспечение деятельности которого было основной задачей самоуправления общины, начала отходить на задний план. Соответственно, начали меняться и приоритеты в определении задач саморегулирования функционирования общины, питание которой теперь в большей степени зависело от мастерства скотовода, агрария и умелого ремесленника» [3, с. 18].

Вместе с тем не следует недооценивать то, что на общественную жизнь общины, кроме двух отмеченных Ф. Энгельсом факторов («родство и общая собственность на землю»), значительное влияние оказывали борьба за удовлетворение личного интереса и религиозные культы» [1, с. 68].

«Начало вражды, – писал еще Плутарх, – не в овладении своим, а в присвоении чужого и в превращении общего в свое. Если вражда мыслится как основа, а враги – как объекты присвоения, то, конечно, и присвоение, совершенное в отношении «общего», приводит к вражде. Отчуждение, с которым научилась справляться, иногда тяготясь им, цивилизация, еще не кажется нормальным, и его более естественно заменить понятной враждой, за которой уже чувствуется горячее дыхание системы ценностей, вполне основанной на стремлении отобрать и раздавать, на насилии и соперничестве» [4, с. 22].

Процесс формирования государственности в условиях классового рабовладельческого общества не был синхронным. Одни народы создали свои государства в IV–III тыс. до н. э., другие – после распада Римской империи в начале нашей эры, третьи – в XVIII–XIX вв. н.э. Причем раньше все они возникли в тех областях, где продуктивность земледелия была особенно значительна. Как правило, такой интенсивной системой было ирригационное земледелие [5, с. 23].

Одновременно с развитием общественных отношений по вопросам собственности совершенствовались и основные категории этого феномена, прежде всего экономическая мысль как совокупность представлений о том, как решать различные хозяйственные задачи, и законодательство как гарантия неприкосновенности и защиты прав собственника. Последнее в условиях формирования государственности приобрело

особое значение, поскольку рабовладельческий способ производства, который начал вводиться во времена распада первобытнообщинного строя, когда в результате совершенствования и развития производственных отношений стало возможным получение дополнительного продукта, сделал возможным присвоение части созданного общественного продукта отдельными лицами (преимущественно племенными вождями, родовой знатью).

Именно с этой прослойки социума начала формироваться правящая элита общества, которая, конечно, стремилась направить военный и экономический потенциал вновь сформированного человеческого сообщества на расширение своих владений и увеличение объема собственности, закрепив за собой гарантии от посягательств на нее со стороны других его членов.

В ранних рабовладельческих государствах, возникших на территории Азии и Северной Африки, как пишет В. Лисовицкий, экономические идеи и представления нашли отражение в двух основных формах: юридических документах, которыми были сборники законов этих государств, и хозяйственных трактатах, посвященных решению более конкретных задач организации и управления хозяйственными системами в виде обрядов, традиций, религиозных представлений. Типичными примерами были законы вавилонского царя Хаммурапи, индийский трактат «Артхашастра», сборник трактатов «Гуань-цзы», написанный в Древнем Китае. В законах Хаммурапи, высеченных клинописью на базальтовой плите в XVIII в. до н.э., трактуются проблемы собственности, аренды и найма, регламентируются отношения рабов и рабовладельцев, кредиторов и должников. Экономическая мысль отражает стремление укрепить право собственности на земельные наделы, имущество, рабов, контролировать хозяйственную деятельность граждан с целью обеспечения стабильности и экономического могущества государства» [6, с. 9].

В этом контексте особое значение приобретает определение формы государственного устройства, статус индивида и уровень его влияния на формирование и реализацию внешней и внутренней политики государственно-

го образования. В условиях монархического правления этот статус определялся как подданство, а демократического – как гражданство. Соответственно, отличались и философско-правовые основы регулирования правоотношений в области собственности.

Монархическое управление или тирания тех времен характеризовалась стремлением к концентрации рычагов управления и владения собственностью, в том числе той, что принадлежала подданным, в руках государства, а фактически – в лице монарха (царя, короля, шаха, султана и т.д.). Неслучайно эту форму управления позднее король Франции Людовик XIV метко определил общеизвестным афоризмом «государство – это я» [7].

Однако монополизация государством основных средств производства имеет неизбежным следствием снижение эффективности экономического фактора деятельности любой политической системы, поскольку тормозится развитие частной инициативы и здоровой конкуренции, а творческая энергия личности уступает место незаинтересованности рядового труженика в результатах своего труда. К тому же, накопление собственности в руках правящей верхушки приводит к обострению в социуме конфликтных ситуаций, обусловленных несправедливым распределением общественного продукта, что приводит к углублению пропасти между уровнем жизни социальных групп.

Как показывает исторический опыт, существуют два пути выхода из такого состояния – революционный, который, как правило, сопровождается кровавыми событиями, и более-менее мирный – эволюционный.

Закономерности эволюционного процесса генезиса общества, на наш взгляд, можно проследить на примере процесса образования античных государств-полисов, который проходил преимущественно путем постепенной трансформации родовых устоев.

Например, имущественная и профессионально-производственная дифференциация социума древних Афин привела к формированию трех социальных групп:

1) *эпатриды* (др.-греч. *Ἐπατρίδα* – от *εὖ*, «добрый, славный» и *πατήρ*, «отец»), то есть граждане, которые

происходили от благородных родителей и имели больше прав и распоряжались землей;

2) геоморы (др.-греч. *γεωμόρο*, от *γῆς* – «земля» и *μείροα* – «получать долю») – свободные земледельцы, граждане, которые владели земельными участками и принадлежали к городской общине;

3) демиурги (др.-греч. *δημιουργός* – «мастер, ремесленник») – граждане члены городской общины, занимавшиеся свободным ремеслом.

В политической сфере власть постепенно переходит к коллегии архонтов (др.-греч. *ἄρχων* – «начальник, правитель») – чиновников с широкими полномочиями, которые образуют Ареопаг (дав.-греч. *Ἄρειος πάγος* – холм Ареса) – высший судебный и правительственный контролирующий орган.

Со временем благодаря введению «*номос*» (др.-греч. – *Νόμος* – обычай, порядок, закон) в оборот вошли такие понятия как, «*dikaíosyne*» (др.-греч. *Δικαιοσύνη* – правда и справедливость, от имени богини справедливости – Дики), «*themis*» (др.-греч. *Θέμις* – право, от имени богини правосудия – Фемиды), «*eunomia*» (давн.-греч. *Εὐνομία* – законность, от имени богини правопорядка – Евномии) и др.

«*Номос*, – писал Ж.-П. Вернан – как свод правил, утвержденный законодателями, представлял собой гуманные решения, нацеленные на получение двойного эффекта: социального взаимопонимания и равенства граждан» [8, с. 98].

Это корреспондировалось с принципами учения пифагорейцев, согласно которым «основа справедливости – общность и равенство, а также представление о том, что единство одного тела и одной души дает всем единство переживаний, когда одним словом называют свое и чужое» [9, с. 165].

В целом тогдашние законы, как считал Аристотель, можно условно разделить на те, что «имели целью изменение существующего государственного строя (законы Ликурга Спарганского и Солона), и те, что регулируют имущественные отношения, прежде всего земельные и другие сферы общественной жизни, не касаясь основ существующего государственного устройства» [10, с. 56].

«Законы, – писал Демокрит, – собственно, нужны для обычных людей,

чтобы обуздать присущие им зависть, раздоры, взаимное причинение вреда. С этой точки зрения мудрому человеку подобные законы не нужны. «Не следует мудрецу подчиняться законам, он имеет жить свободно». Для мудрого человека и добрейшей души, родина – весь мир, при каждом государственном строе он будет жить справедливо и сохранит «хорошее настроение» (эвтюмию), что является целью жизни» [11, с. 50].

Справедливость и свобода, были определяющими факторами законодательства и в философских взглядах Сократа. «Для него, – пишет Е. Орач, – свобода – «прекрасное и величественное достояние как для человека, так и для государства, которое возможно лишь при условии соблюдения всеми разумных и справедливых законов. Каждому человеку присуща индивидуальная свобода и автономия личности» [12, с. 41–42].

Гесиод в своих стихах также отстаивал идею единства справедливости полиса и закона, он писал: «*Слушайся голоса правды и мысли не имей о насилии, этот-то закон для людей установил олимпиец Кронон: рыбы, и звери, и птицы крылатые пусть без проблем уничтожают себя и поедают – нет ибо правды между ними. А мужчине правду он дал, ценное благо. Кто, осознав правду, ее публично чтит, счастья дает тому Зевс, далеко уходит глазами. Как же неправду и клянется ложно, то справедливость нарушил, самого себя потеряв*» [13, с. 121].

В Греции, считает С. Нерсесянц, законы были логическим следствием полисной формы демократии и были связаны преимущественно с понятием гражданства, которое предусматривало равенство всех членов полиса в пользовании правами и свободами, прежде всего политическими. Эти взгляды сформировались в общем русле мифологических представлений о том, что полис (город, государство) и его законы имеют божественное происхождение и опираются на божественную справедливость. Согласно этим представлениям право вообще и права отдельных людей – членов полиса берут начало не в силе, а в божественном порядке справедливости. Под естественными правами понималось нечто независимое

от человека, раз и навсегда данное – норма общего разума [11, с. 47–48]. Что касается понимания во времена античности природы гражданства, то гражданские права по установившейся традиции наследуются по рождению. Например, как пишет Г. Драч, «афинянин Евксей, отстаивая свои гражданские права, доказывал, что его отец не был чужаком» [14, с. 235].

Соглашаясь с изложенным, следует, однако заметить, что нормы древнегреческих законов формировались под значительным влиянием философских учений, большинство из которых рождались в ходе острых дискуссий сторонников различных философских школ и иногда были антагонистичными по своей сути.

Например, Демокрит, который придерживался философско-материалистического мировоззрения, считал закон и государство искусственными, побочными и обусловленными какими природными началами. Он отстаивал философскую концепцию, смысл которой заключался в том, что все, что соответствует природе, несправедливо» [11, с. 48].

Кстати, не следует забывать, что философско-правовые концепции древнегреческих мыслителей, в частности по вопросам собственности, формировались в условиях, когда под собственностью имелась в виду не только земля, инвентарь, скот, сельскохозяйственные продукты и изделия ремесленников, но и определенная категория человеческих лиц – рабы.

Это также порождало дискуссии в философских кругах, при этом концептуальное отношение оппонентов варьировалось от полного неприятия права собственности на человеческое лицо до его одобрения.

Так, Алкидам Элейский отстаивал философскую доктрину, по которой «бог создал всех свободными, а природа никого не сотворила рабом» [15, с. 14]. Стоическая философская школа, в которой, в частности, относились Стой Пойкиле, Зенон Китийский, Клеанф, Хрисипп, Персей и другие известные мыслители, также не отличала раба от свободного человека. Они отстаивали доктрину, согласно которой свобода и рабство – лишь внешние формы жизни. Сенека по этому поводу писал: «Ты сердисься, когда твой раб ... осмелится

тебе возразить, а потом ты жалуешься на то, что свобода изгнана из республики, тогда как сам ты выгнал ее из своего дома» [16].

Панэтий из Родоса по этому поводу писал: «Единство всего рода человеческого, равенство и, следовательно, справедливость в государстве, равноправие мужчин и женщин, уважение достоинства жен и детей, доброжелательность, любовь, целомудрие в семье, терпимость и благотворительность по отношению к ближним, человечность на все случаи жизни, даже при ужасной необходимости наказания преступника на смерть, – вот главные идеи, которыми полнятся труда стоиков» [17, с. 249].

Зато ученик Сократа – Платон, хотя и разработал проект идеального государства, в котором отсутствует разделение людей на свободных и рабов, не исключает рабство, воспринимая его как существующий факт. Он писал: «Судить о рабстве очень трудно во всех отношениях. Доводы, которые в его пользу хороши в одном смысле и плохи в другом, потому что они одновременно показывают, что владеть рабами и хорошо, и опасно» [18, с. 12–13].

Древние греки, как справедливо замечает Г. Драч, были гуманистами совсем не в нашем понимании этого слова. У греков не было чувства социальной справедливости – заботы об угнетенных и обиженных. Рабство было не чисто экономическим институтом, а во многом – институтом ритуальным. Граница между свободным и рабом проходила у греков между готовностью отдать жизнь за свое достоинство и отсутствием этого, но тогда человек – раб» [14, с. 235].

В частности, как писал Гераклит Эфесский о рабстве и его природе, «война одних сделала рабами, других – свободными. Свободный человек – политическое животное, в отличие от раба, который – просто животное, проигравшее войну». «Борьба – отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, другим – людьми. А из тех одним рабами, другим – свободными» [19, с. 29].

В этом контексте нелишне отметить, что по обычаям полисов свободные граждане могли стать рабами не только проиграв войну, но и в случаях, когда не в состоянии оплатить долги.

И это правило было отменено только после принятия так называемых «законов Солона». Отменив кабалу за прошлые долги, Солон запретил и на будущее обеспечение ссуды личным порабощением. Прекрасно понимая непосредственную взаимосвязь между принципами урегулирования вопросов собственности и уровнем демократизации общественных отношений, этот выдающийся реформатор разделил афинское население в зависимости от имущественного положения на четыре социальные группы:

1) пентакосиомедимны (др.-греч. – *πεντακοσιομέδιμνοι*) – наиболее зажиточная группа афинских граждан, состояние которых определялся в размере годового дохода не менее 500 медимов (др.-греч. – *μέδιμνος* – около 73 литра), зерна, масла или вина в год и должны были служить в тяжело вооруженной пехоте;

2) всадники (др.-греч. *καβαλάρης*), которые получали не менее 300 медимов годовых доходов, имели собственную лошадь и служили в коннице;

3) зевгиты (от гр. *zeugos* – парная упряжка быков), которые получали не менее от 200 медимов и служили в пехотном ополчении;

4) феты (др.-греч. *Θέτης* – кусок), которые получали до 200 медимов и служили в легковооруженными пехоте и на флоте.

Представителям первых трех классов был, по законодательству Солона, открыт доступ ко всем государственным должностям, феты могли участвовать только в Народном собрании и судах. Таким образом, реформы Солона, которыми вводилась так называемая «умеренная цензовая демократия», была, де-факто, попыткой достижения компромисса между интересами знати и демоса, богатых и бедных [20, с. 27].

Не было единодушия в древнегреческих философских кругах и по вопросам частной собственности. В уже упомянутом проекте идеального государства Платона, в частности, не допускались нищета и чрезмерное богатство, исключалась – без особой необходимости – частная собственность. Справедливость, согласно жизни полиса по Платону, состояла в том, чтобы каждый делал свое дело, чтобы никто не присвоил чужого и не потерял своего [21, с. 86].

Пифагор, более умеренно относился к частной собственности. Он не одобрял только чрезмерное богатство, так как считал, что высокомерие, роскошь и презрение к законам часто приводят к несправедливости и призывают помогать закону и воевать с беззаконием. Философ прогнозировал такую последовательность негативного влияния чрезмерного богатства: первым проникает в дома и города роскошь, вторым – высокомерие, третьим – смерть. Поэтому он призвал всячески противодействовать роскоши и отвергать ее и с рождения приучать себя к тому, чтобы жить здраво и достойно мужчины [9, с. 170].

В свою очередь, Аристотель считал, что частная собственность является объективным явлением, которое коренится в природе и является элементом семьи. Он, в частности, писал: «Трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что что-то принадлежит тебе». К тому же, в отличие от Платона, он находил общность имущества экономически несостоятельной и препятствующей развитию в человеке хозяйственных наклонностей и замечал, что «люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим» [22, с. 91].

«В афинском праве, – пишет В. Глиняный, – различались владение (как фактическое обладание имуществом) и собственность (как владение с правом распоряжения). Самого же понятия права собственности как абсолютного права человека еще не было. В отличие от Спарты, коллективная собственность господствующего класса имела ограниченное распространение. К ней принадлежали государственные имения и рудники, храмовое имущество и тому подобное. Кроме государственной земли, существовали общественные земли фил (др.-греч. *Φυλή* – родовое объединение, община) и демов (др.-греч. *Δεμοί* – территориальные округа). Имущество, которое находилось в частной собственности, делилось на «видимое» (земля, дом, рабы и т.д.) и «невидимое» (способное «уклоняться» от налогообложения и конфискации – деньги, драгоценности) [23, с. 149].

Политика и связанные с ней практические и духовные занятия и права, в том числе право собственности, выступали в античной Греции как права,

свободы и сфера труда свободных людей. Их собственностью также считались не только рабы и их дети, но и результаты труда невольников, как физического, так и интеллектуального, поскольку в рабство нередко попадали люди, которые по уровню образования превосходили своих хозяев. Стоит только вспомнить историю о философе Ксанфа и его рабе Эзопе.

Особое значение в общественной жизни античных полисов, благополучие которых в значительной степени зависело от результатов аграрной производственной деятельности, имели вопросы, связанные с урегулированием взаимоотношений в области земельной собственности. Как отмечает в этом контексте В. Глиняный, «между государством и частной земельной собственностью существовал органическая связь. Земельная собственность имела двойную форму – частная собственность на землю считалась производной от государственной, а государственная существовало и в форме частной собственности. Поэтому несмотря на окончательное утверждение со времен Солона частной собственности, она еще имела отпечатки предыдущих коллективистских представлений общности имущества и считалась предоставленной государством [23, с. 150].

Соответственно, считалось, что государство имеет законное право получать свою долю прибыли от результатов сельскохозяйственной деятельности на земельных наделах, которые находились в частной собственности граждан, в том числе в виде налогов.

В то же время организация производственно-трудовой сферы, как и семейные взаимоотношения, в этой сфере находились, по тогдашним представлениям, в принципе вне сферы свободы и, следовательно, вне политики в этой сфере. Отношения господина и раба, главы семьи и других ее членов как отношения господства и подчинения трактуются как неполитические отношения. Ж.-П. Вернан в этом контексте справедливо отмечал, что «поскольку раб существует вне города, он существует вне общества» [8, с. 28].

Традиционное противопоставление эллинской полисной (политической) формы жизни и деспотического правления «варваров» в пользу первого во многом связывалось также с наличием

четкой системы юридических судебных исков в области приобретения и защиты права собственности от нарушения прав собственника имуществом со стороны других лиц, в частности, если владельцу поля кто-то мешал обрабатывать поля или собирать урожай. Кроме компенсации, проиграв дело, сторона также платила штраф, который поступал в бюджет полиса.

Таким образом, право собственности в праве античных полисов сформировалось как совокупность правовых норм, регулирующих отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением владельцем принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению и в своих интересах, а также обязанности собственника не нарушать прав и законных интересов других лиц.

Выводы. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в античном понимании собственность представляла собой достаточно мощный аргумент в процессе формирования автономии личности владельца по отношению к государству, но в то же время формировалось понимание гражданином-владельцем своей значимости в обществе и государстве. Поэтому несмотря на определенные различия в понимании и структуре права собственности в Греции, их объединяло одно – наличие права собственности предоставляло лицу возможность участвовать в жизни общества и быть гражданином.

Список использованной литературы:

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Издание второе. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – 746 с.
2. Покровский С.А. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого [Текст] / С.А. Покровский. – М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1955. – 168 с.
3. Овчаренко В.А. Місце самоврядування в Україні: історичні витоки, становлення та перспективи: монографія [Текст] / В.А.Овчаренко. – К. : Логос, 2014. – 911 с.
4. Дюби Ж. Европа в средние века [Текст] / Жорж Дюби. – Пер. с фр. В. Колесникова. – Смоленск, 1994. – 316 с.

5. Экономическая история зарубежных стран. Курс лекций [Текст] / Н.И. Полетаева, В.И. Голубович, Л.Ф. Пашкевич и др.; Под общ. Ред. В.И. Голубовича. – Мн. : ИП «Экоперспектива», 1997. – 432 с.

6. Лісовицький В.М. Історія економічних вчень: 3-тє вид. випр. та доп. / В.М. Лісовицький. – К. : Центр учбової літератури, 2009. – 240 с.

7. Крылатые выражения, афоризмы: «Государство – это я!» (з вступу Людовіка XIV у парламенті Франції у 1655 році) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.otrezal.ru/catch-words/104.html>.

8. Vernant J.-P. Mythe et société en Grèce ancienne [Текст] / J.P. Vernant. – Paris, François Maspero, 1974. – 252 p.

9. Ямвлих О. Пифагоровой жизни [Текст] / О. Ямвлих. Вступительная статья и перевод И.Ю.Мельниковой. – М. : «Алетейя», 2002. – 192 с.

10. Пальцева Л.А. Гортинское законодательство и его место в становлении греческого права Жебелевские чтения-3 [Текст] / Л.А. Пальцева // Тезисы докладов научной конференции 29-31 октября 2001 года. – СПб., 2001. – С. 55–60.

11. История политических и правовых учений / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 944 с.

12. Орач Є.М. Історія політичних і правових вчень / Є.М. Орач. – К. : Атика, 2005. – 560 с.

13. Антична література: Хрестоматія [Текст] / Упорядник О.І. Білецький, перекл. В. Свідзинського. – К. : Радянська школа, 1968 (2-ге видання). – 612 с.

14. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики [Текст] / Г.В.Драч. – М. : Из-во Гардарики, 2003. – 318 с.

15. Крегул Ю.І. Права і свободи людини / Ю.І. Крегул, В.В. Ладиченко, В.І. Орленко. – К. : Книга, 2004. – 288 с.

16. Отношение к рабству философии и христианства [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

17. Denis J. Histoire des theories et des idees morales dans l'antiquité [Текст] / Jacques Denis. – Paris : Auguste Durland Librairie, 1856. – Vol. II. – 449 p.

18. Марченко М.Н. История политических и правовых учений /

М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин. – М. : Велби: Проспект, 2007. – 480 с.

19. Асмус В.Ф. История античной философии / В.Ф. Асмус. – М. : Высшая школа, 1965. – 320 с.

20. Політологія / За ред. О.І. Семківа, вид. 2-ге. – Л. : «Світ», 1994. – 572 с.

21. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов [Текст] / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 1997. – 652 с.

22. Аристотель. Афинская полиция [Текст] / Аристотель // Политика. Афинская полиция. – М. : Мысль, 1997. – 350 с.

23. Глиняний В.П. Історія держави і права зарубіжних країн: Навчальний посібник [Текст] / В.П. Глиняний ; Одеська нац. юрид. акад. [Вид. 6-ге, перероб. і доп.] – К. : Істина, 2009. – 768 с.

JURIDICAL APPROACH TOWARDS CORRUPTION: INSTITUTIONAL CONCEPT AND FUNCTIONAL RELIABILITY

Vladyslav VEKLYCH,

Candidate of Juridical Science (Ph.D.),

Vice-head of the Department of Constitutional Law, History and Theory of Law
Prince Volodymyr the Great Educational and Scientific Institute of Law
Interregional Academy of Personnel Management

Summary

Considering controversial aspects of juridical approach towards corruption it is yet needed to outline some prospects that may help to improve the legal system's resistance to it's influence. Institutional concept is one of the key elements that may be improved so to increase system's functional reliability and yet in this point of view some structural aspects should be considered. Such credentials still need to be put into practice for legal system sustainability in distant future.

Key words: cleansing of the ranks of power, corruption, civil servant, civil society, state authority, state security.

Аннотация

Учитывая противоречивые аспекты юридического подхода к коррупции, нужно отметить некоторые перспективы, которые могут повысить противодействие правовой системы ее влиянию. Институциональная концепция является одним из ключевых элементов и должна быть улучшена для повышения надежности функционирования системы в целом. При этом должны быть учтены некоторые структурные аспекты с их последующей оптимизацией. Соответствующие концептуальные особенности также должны быть адаптированы на практике для обеспечения устойчивости правовой системы в будущем и для повышения ее функциональности в отношении прав и свобод граждан.

Ключевые слова: очищение власти, коррупция, государственная служба, гражданское общество, государственная власть, государственная безопасность.

*On the other side of the mirror
The wonder was painfully born.
It's the end of the age of the heroes
And the start of the age of forlorn.
It's the place where you seek and you lose.
It's the place of the dust of the kings.
They forget to pretend they're amused,
They prefer not the armor, but jeans.
Sofiya Kostytska
(«The Remnants of the Magnificent Era»)
[10, p. 157]*

Formulation of the problem.
Recent tendencies of global development cause widespread increase in international connections' integrity. At the same time corruption that becomes widespread even in a few countries (regional cluster of countries) may cause disastrous impact globally (considering increase in technological opportunities). Therefore even highly-advanced technological system may not oppose corruption totally [1, p. 9] as it highly resembles to individuals' personal values and objective conditions what may be observed by researchers. Thus institutional elements yet may be improved

at the concept level so to make legal system more functional and corruption resistant with further impact on social relations in legal way.

Recent publications analyses on the issues under consideration and determination of the elements of broader issue that were not addressed to earlier.

There is a huge number of scientists engaged in researches of different problems of corruption. Yet among those who are working on topics related to this research we may outline such Ukrainian-based authors as Volodymyr Goshovskiy [3], Viktor Lytvynenko [12], Makar Marchuk [13] Eugene Nevmerzhytsky [14], Ivan Presnjakov [15], Nataliya Sorokina [16] and some others. Among foreign researchers (based in other countries) here should be mentioned Robert Barrington [2], Raymond Fisman [8], Inessa Gajka [11], Goran Klemenichich [11], Yongtao Li [7], Janek Stusek [11], Alexey Stukalo [5], Lei Wang [7] and many others. At the same time institutional concept and functional reliability regarding oppression of corruption are needed to be researched